

Пролог

1919 год

Дневники за семьдесят пять лет лежат на кровати, почти закрывая собой одеяло, сшитое для меня прошлой зимой Раши. Все они раскрыты и похожи на старых мотыльков, слишком уставших от жизни, чтобы взлететь. В восемьдесят пять лет мне уже трудно читать то, что написано моей рукой, но я так часто перечитывала эти строчки в прошлом, что они впечатались в мою память. Они словно узор на черно-оранжевых крыльях бабочек.

Я взяла лежавший на столе конверт и принесла его к себе в постель. Я уже почти закончила писать. Письмо адресовано мисс Пеннивелл. Я очень гордилась тем, что не забыла обратиться к ней «мисс», а не «миссис». Именно эта внимательность к мелочам спасла мне жизнь, когда ее соотечественники прибыли в мою страну с намерением превратить Индию в маленькую Англию с экзотическими женщинами и чаем масала¹. Но если мисс Пеннивелл не ошибается и англичане прочтут рассказ старой женщины, все, возможно, со временем изменится к лучшему.

Когда я была маленькой, я жила в небольшом княжестве Джханси, находящемся под властью махараджи Гангадара и его супруги — рани Лакшми. Сейчас я живу в огромной стране, чьи границы тянутся от Бирмы до Кашмира². Вместо махараджи теперь нами правит иностранный император, сын королевы Виктории, король Эдвард VII. На том месте, где прежде в небо

---

¹ Чай масала — черный чай с добавлением кардамона, корицы, имбиря, звездчатого аниса, зерен перца и гвоздики.

² Кашмир — исторически бывшее княжество в Гималаях, ныне спорная область между Индией и Пакистаном. В 1919 году весь Пакистан также считался Индией и являлся частью Британской империи, поэтому Кашмир не был приграничным владением британской короны.

вздымались ступы¹, заключающие в себе образ нашего принца Сиддхартхи, впоследствии ставшего Буддой, теперь на высоких шпилях английских церквей виднеются кресты. Да, я очень стара. Никто не может, дожив до моего возраста, не стать свидетелем больших изменений. Я выжила в кровавой войне между Индией и Англией и на протяжении почти целого столетия была свидетельницей того, как постепенно утрачиваются наши национальные традиции.

Есть древняя индийская пословица, которую я услышала от отца: «*Vandar ku ya jaane adark ka swaad*». *Что обезьяна может знать о вкусе имбиря?* Думаю, эта пословица имеет отношение к англичанам. Они ничего не знают о людях, которыми правят. С какой стати мы должны верить, что они будут уважать наши храмы и наших богов? В лучшем случае они относятся к ним как к иностранной диковинке. В худшем считают языческим варварством, которое процветает в стране, давшей миру шахматы и цифру ноль.

Я еще раз взглянула на адрес, который мисс Пеннивелл дала мне два месяца назад.

Я стояла вместе с Раши на железнодорожном вокзале Бомбея, когда эта девушка стремительно подошла ко мне. Ее каблучки гулко стучали по каменному полу. В стране красных сари и шафранных дупатта вид этой молодой особы, одетой в серую юбку, подол которой доходил до лодыжек, и такую же серую шляпку, не вызывал сомнений: она была англичанкой.

— Извините, что потревожила вас, миссис Ратход. Вы ведь миссис Ратход?

Я с секунду колебалась, хотя британская администрация давно уже перестала выслеживать бунтовщиков.

— Да, — ответила я.

Она протянула мне руку. Меня обучали тому, как следует вести себя с англичанами. Она ждет, что я пожму ей руку.

---

¹ Ступа — буддийское архитектурно-скульптурное культовое сооружение, имеющее полусферические очертания. Преимущественно представлена в монолитной форме; менее распространены ступы, имеющие внутреннее помещение.

— Эмма Пеннивелл, — представилась девушка.

Я предположила, что имею дело с очередной репортершей, которую интересует, что же случилось с богатствами после смерти рани, но вместо этого она сказала:

— Шестьдесят пять лет назад мой дедушка сопровождал вас в Лондон. Его звали Уилкс. Ему бы хотелось снова с вами увидеться и поговорить.

Несколько секунд я размышляла над тем, что услышала, а затем отрицательно покачала головой.

— Извините, но то все осталось в другой жизни. — Взяв Раши за руку, я направилась к поезду. — Я родилась в другой Индии.

— Именно поэтому я к вам и обратилась. — Заметив мое равнодушие, девушка заговорила напористее: — Мой дед — издатель. Его интересуют воспоминания людей, живущих в колониях. Он хотел бы опубликовать историю вашей жизни. Я знаю, что у вас поезд...

Я остановилась и попыталась объяснить девушке, что в моем прошлом хватает такого, о чем у меня нет ни малейшего желания вспоминать, но мисс Пеннивелл даже не потрудились взглянуть шокированной.

— Все мы порой совершаем такое, о чем предпочли бы забыть, но упускаем из виду, что, лишь пролив на случившееся свет, мы в состоянии избавиться от терзающих нас демонов.

Я рассмеялась. Мисс Пеннивелл не могла быть старше двадцати двух лет. Что она вообще может знать о демонах?

— Мисс Пеннивелл, я не вижу смысла в подобного рода воспоминаниях.

— Разве вам не жаль того, как британцы изменили вашу страну?

— Кое-что изменилось в лучшую сторону, — сказала я, надеясь побыстрее закончить нашу беседу, — например, этот вокзал. Без англичан его бы ни за что не построили.

— А как насчет разрушенных храмов?

Я постаралась сохранить бесстрастное выражение на лице. Не следует ей знать, как часто я об этом размышляю.

— Пожалуйста, подумайте о моем предложении, — сказала девушка, протягивая мне визитку. — Ваш рассказ может убедить британцев в том, что индийские традиции уникальны. Возможно, сам король Англии прочтет ваши мемуары и решит, что ваша рани была права, что она не была мятежной королевой, как называют ее в Англии, а истинной королевой, которая взяла в руки меч, чтобы защитить свой народ от строителей империи. В этом она была похожа на вас, миссис Ратход.

Я понимала, что девушка хочет поймать меня на наживку, но приняла у нее из рук визитную карточку. После двух месяцев переписки мисс Пеннивелл удалось переубедить меня.

Раши говорит, что я очень храбрая, если осмелилась написать о прошлом, но мне кажется, что в душе она считает меня глупой. В конце концов, мои воспоминания совсем не похожи на распахнутые двери, ведущие в дом другого человека, скорее они подобны выбитым окнам, а хозяйка пытается объяснить всем желающим, какой ущерб был нанесен. Я прекрасно осознаю это обстоятельство. Я пишу не только ради себя, но и ради Индии.

В доме витают ароматы гарам масала¹ и кориандра. Раши занимается в кухне стряпней. Я, пожалуй, начну писать прямо сейчас, пока утренняя прохлада не сменилась дневным зноем, когда единственное, чего хочешь, — это вздремнуть. Но я продолжаю смотреть на моих друзей, обтянутых старой кожей, такой же морщинистой и знакомой, как кожа моих собственных рук. Когда я закончу писать воспоминания, я избавлюсь от дневников. Я понесу их к Гангу во время васанта наваратри², когда все пускают свои старые календари плыть по течению реки. Пускай богиня реки решает, правильно ли я поступила, должно ли то, что случилось с моей сестрой и самой храброй из княгинь Индии, по-прежнему камнем лежать на моем старушечьем сердце.

¹ Гарам масала — смесь специй, используемая в североиндийской кухне.

² Васанта наваратри — весенний праздник в честь богини Дурги.

Старательно выводя буквы, я написала адрес:

*Мисс Эмме Пеннивелл
«Раутледж-энд-Кеган Пол Паблишерс»,
Лондон, Англия*

Затем я некоторое время смотрела на кремово-красный конверт. Он большой. Он и должен быть таким, если я хочу запихнуть в его жадно раскрытый рот все обстоятельства моей жизни, чтобы он проглотил все те воспоминания, которые, как считает мисс Пеннивелл, могут помочь королю Англии править нашей страной лучше, чем делала его матушка. Кто знает? Если два брата из Америки построили машину, которая может летать в небе¹, почему бы деревенской старушке не написать книгу, которая попадет в руки к королю?

---

¹ Братья Уилбур и Орвилл Райт — два американца, за которыми признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета, способного к полету, а также совершение первого управляемого полета на аппарате тяжелее воздуха с двигателем 17 декабря 1903 года.